V 73/246

CE

73/246

Прот. Ареенiй Разумихинъ.

Свято-Отеческое ученiе о трезвости и воздержанiи.

Пьянство съ точки зрѣнiя христiанскаго нравоученiя.

(Изданiе Моск. Епар. Общ. борьбы съ народнымъ пьянствомъ).

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1912.

Ф. 73
246

Прот. Арсеній Разумихинъ.

Свято-Отеческое ученіе о трезвости и воздержаніи.

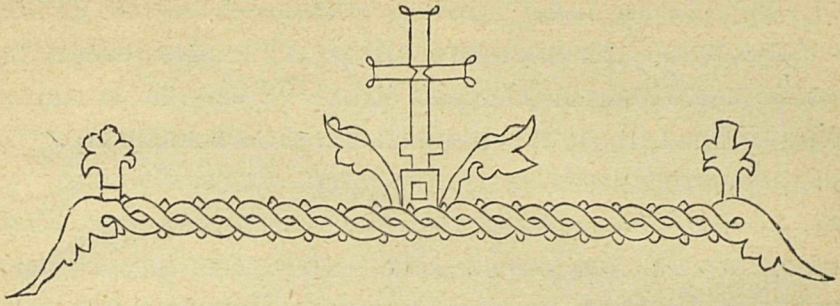
Пьянство съ точки зрѣнія христіанскаго нравоученія.

(Изданіе Моск. Епар. Общ. борьбы съ народнымъ пьянствомъ).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-24945
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1912.

2007056112



Свято-Отеческое Ученіе о трезвости и воздержаніи.

Слово Божіе, строго осуждая порокъ пьянства, заповѣдуетъ трезвость и призываетъ къ совершенному воздержанію. Этотъ послѣдній призывъ мы находимъ въ томъ высокомъ воззрѣніи на цѣль нашей жизни, на наше христіанское назначеніе, которымъ оно проникнуто. Человѣкъ, по изображенію Слова Божія, созданъ по образу и подобію Божію. Онъ имѣетъ въ себѣ дыханіе Божества, безсмертную и разумную душу, предназначенную къ вѣчно-блаженной жизни.

Чтобы возстановить въ насъ Свой образъ, омраченный въ насъ грѣхомъ, и сдѣлать возможнымъ достиженіе предназначенной Имъ для насъ цѣли, Самъ Господь благоволилъ воспринять нашу природу,—явился во плоти—и тѣмъ возвелъ достоинство нашей человѣческой личности на недосягаемую высоту. Самое тѣло наше, какъ одухотворяемое и освящаемое благодатію Св. Таинствъ, какъ храмъ Св. Духа,—предназначено къ соучастію съ душею въ вѣчно-блаженной жизни. Соотвѣтственно этой высотѣ, на которую вознесена

наша природа въ таинствѣ искупленія,—Самимъ Сыномъ Божіимъ, приходившимъ въ міръ „грѣшныя спасти“,—указана намъ такая высокая цѣль и задача жизни на землѣ, которая требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ духовныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ. *Будите совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть. Святи будите, якоже Азъ святъ есмь,*—говоритъ намъ Своимъ примѣромъ Господь Іисусъ Христосъ. Понятно, что исполненіе этого высокаго нравственнаго долга, духовное самоусовершеніе въ подвигахъ вѣры и любви—возможно только при строгомъ воздержаніи, такъ какъ только оно даетъ полный просторъ развитію нашего духа,—при немъ мы можемъ всегда сохранять душевное равновѣсіе и ясность сознанія; только въ нашемъ полномъ самоотверженіи—начало и залогъ всецѣлаго служенія благу ближняго. Посему съ этими высшими требованіями святости и нравственнаго совершенства можетъ ли быть совмѣстимо пользованіе тѣмъ, что нѣжитъ и услаждаетъ нашу чувственную природу?

Это высокое понятіе о нашемъ достоинствѣ и о нашемъ христіанскомъ назначеніи, содержащееся въ словѣ Божіемъ, составляетъ, можно сказать, центральный пунктъ и ученія Св. Отцевъ православной церкви, которые силою Своего Богопросвѣщеннаго разумѣнія возвысили и углубили наше пониманіе Слова Божія. Къ вопросамъ о томъ: „какъ и для чего мы созданы, что даровано намъ чрезъ искупленіе, какая цѣль нашей здѣшней жизни и какой главный предметъ нашихъ заботъ“—они чаще всего въ своихъ твореніяхъ обращаютъ наши мысли—и на нихъ по преимуществу основываютъ нравственныя наставленія.

„*Внемли себѣ*,—говоритъ напр. Св. Василій Великій въ бесѣдѣ на эти слова (Втор. 15, 9)—т. е. внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себѣ; ибо иное—мы сами; иное—принадлежащее намъ, а иное, что около

насъ. Мы—это душа и умъ, поколику мы сотворены по образу Создавшаго; наше—это тѣло и пріобрѣтаемыя посредствомъ него ощущенія; около же насъ: имущества, искусства и прочія удобства жизни. По этому, что значитъ слово сіе? Не плоти внемли, не за плотскими благами гонись всѣми мѣрами, то есть за здравіемъ, красотою, наслажденіемъ, удовольствіями и за долголѣтіемъ. Но внемли себѣ т. е. душѣ своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностію предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей порокомъ, не радѣй о плоти... *Плоть похотствуетъ на духа* (Гал. V, 17), избыточество въ одномъ, дѣлаетъ оскудѣніе вь другомъ"... „Намъ должно, говоритъ Св. Григорій Богословъ (въ словѣ о любви къ бѣднымъ), все оставить для Христа, дабы... сдѣлавшись легкими, развязанными и ничѣмъ не увлекаемыми внизъ — какъ на крыльяхъ летѣть къ горнему міру; или раздѣлять свое имущество со Христомъ"... Эти и подобныя имъ многія мѣста изъ твореній Св. Отцевъ даютъ намъ понять, что, по ихъ ученію, жизнь наша должна быть всецѣло посвящена усовершенію духа, служенію Христу. Все, что мы имѣемъ, мы не должны употреблять на какія-либо наслажденія собственныя, но единственно для потребностей духа, ради Христа. — А поэтому употребленіе вина, служащаго для нашего личнаго наслажденія, какъ утучняющаго плоть и тѣмъ ослабляющаго духъ, препятствующаго ему „легкими крылами возлетать къ горнему міру"— можетъ ли быть совмѣстимо съ этими высшими нравственными требованіями?

Но Св. Отцы не только учили словомъ, но и въ своей жизни показали такіе высокіе примѣры осуществленія этихъ воззрѣній на наше высшее назначеніе. Вся жизнь ихъ была всецѣло духовной, свободной отъ всего того, что услаждаетъ и нѣжитъ нашу чувственную природу. Св. Василій

Великій въ письмѣ своемъ къ Григорію Богослову (2-е) о своей жизни въ пустынѣ говоритъ, что напиткомъ его была простая вода, пищей—хлѣбъ съ солью, и при этомъ онъ постоянно предавался тѣлеснымъ и умственнымъ трудамъ. Въ отвѣтномъ письмѣ къ Юліану онъ пишетъ, что „напрасно требовать тысячу фунтовъ золота отъ человѣка, у котораго не было ничего и который самъ жилъ травами и пробавлялся кислымъ виномъ".

Понятно, что по сравненію съ этими высокими нравственными обязанностями, предъявляемыми Св. Отцами по отношенію къ себѣ и ко всѣмъ, ищущимъ духовнаго совершенства, какимъ преступнымъ, низкимъ и жалкимъ долженъ былъ казаться имъ, (и вмѣстѣ и всѣмъ и каждому изъ насъ) порокъ нетрезвости—(пьянства)! И Св. Отцы со всею силою своего духоноснаго слова караютъ этотъ порокъ. Въ ихъ твореніяхъ можно найти множество разительныхъ, картинныхъ изображеній, какъ грѣховности, гибельности этого порока, такъ и вредныхъ его послѣдствій. Св. Василій Великій въ бесѣдѣ на упивающихся говоритъ: „чѣмъ отличенъ отъ безсловесныхъ ты человѣкъ? Не даромъ ли разума, который получивъ отъ Своего Творца, сталъ ты начальникомъ и господиномъ всей твари? По этому лишившій себя смысла опъяненіемъ *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* А я сказалъ бы лучше, что упивающійся несмысленнѣе и скотовъ... У этихъ людей погрязаютъ (омрачаются) души, затопляемыя виномъ".—„Но есть ли какое средство и тѣлу, которое непрестанно разгорячается и всегда бываетъ напитано виномъ, не сдѣлаться слабымъ, хилымъ, истощеннымъ?.." „Пьяницы расточаютъ всѣ духовныя блага, поэтому пьянство должно быть названо смертію всякой добродѣтели, и всякой нравственности. Пьяница бросаетъ всѣ добрыя качества въ болото нечистоты". (Св. Вас. Вел.). „Пьяница

недостоинъ жить въ обществѣ разумныхъ существъ: его слѣдовало бы помѣстить между животными и изгнать изъ общества людей". (Св. Вас. Вел.). Кто можетъ быть несчастнѣе пьяницы,—говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ,—когда онъ за малое удовольствіе будетъ извергнутъ изъ царства Божія и посланъ въ вѣчный огонь? Даже и удовольствія не можетъ получить пьянствующій, ибо удовольствіе въ умѣренности, а въ неумѣренности—безчувственность"...

Но Св. Отцы не только обличали порокъ, но и предлагали средства къ его уврачеванію. Вотъ какія напр. средства указываетъ Св. Іоаннъ Златоустъ къ избавленію отъ гибельнаго порока пьянства: 1) прежде всего средство для этого — неослабное бодрствованіе надъ собою — борьба съ своею страстію, — искреннее желаніе побѣдить ее силою своей воли: „Нужно намъ многое любомудріе и терпѣніе, чтобы разстаться со всякою роскошью и избѣжать пьянства. Настоящая жизнь есть мѣсто борьбы и среди подвиговъ не можетъ наслаждаться тотъ, кто хочетъ заслужить вѣнецъ". (Бес. о Лазарѣ).

2) Чтобы подкрѣпить себя въ этой борьбѣ, Св. Златоустъ совѣтуетъ (предавшимся пороку) обращаться съ молитвою ко Св. Угодникамъ предъ ихъ нетлѣнными останками: „Ибо, говоритъ, онъ, не только кости мучениковъ, но и гробы и раки источаютъ благословеніе. Прими св. елей и помажь все тѣло, языкъ, уши, шею, глаза—и никогда не впадешь въ погибель пьянства. Ибо елей своимъ благовоніемъ будетъ напоминать тебѣ о подвигахъ мучениковъ, обуздывать всякое невоздержаніе, удерживать въ великомъ терпѣніи и побѣждать душевныя болѣзни (Бесѣды на день Св. Мучениковъ).

3) Полезно далѣе, по указанію Св. Златоуста, человѣка, предающагося роскоши и невоздержанію, приводить въ мѣста скорби и печали,—чтобы и въ немъ пробуждать

печаль о погибающей своей безсмертной душѣ и о томъ, чего онъ лишаетъ другихъ своей роскошью (Бес. на книгу Дѣян. 42-я). 4) Необходимо требовать, по слову Златоуста, чтобы каждый садился за столъ и вставалъ изъ за него съ молитвою, ибо—гдѣ молитва и благодареніе, туда приходитъ благодать Св. Духа и оттуда прогоняются демоны" (Бес. о Аннѣ II).

5) Убѣждаетъ также Св. Златоустъ—удаляться отъ людей, преданныхъ этому пороку, ибо „какъ тѣла часто погибаютъ отъ испорченнаго воздуха, такъ и души часто терпятъ вредъ отъ общенія съ людьми порочными. *Аще нѣкій братъ именуемъ будетъ пьяница, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. V, 11), говоритъ Св. Апостолъ. А мы не только не убѣгаемъ, но и сами идемъ къ пьяницамъ. Но безчестная дружба хуже всякой вражды..." (Бес. на Матѳ. 48). Наконецъ Св. Златоустъ совѣтуетъ составляетъ для борьбы съ пьянствомъ товарищества или общества трезвости. „Нынѣ, говоритъ онъ, когда кто умираетъ, тогда многіе окружаютъ его, многіе утѣшаютъ близкихъ къ нему, и осла упавшаго мы часто поднимаемъ. А когда падаютъ души нашихъ братій, мы не обращаемъ вниманія. Видя кого упивающимся, мы не только не препятствуемъ, но сами принимаемъ въ томъ участіе. Многіе составляютъ товарищества для гулянья и пьянства. Нѣтъ, вы составляйте товарищества, чтобы истребить страсть къ пьянству, вопреки тому пагубному обычаю, по которому для пьянства, для пированья и гулянья мы теперь дѣлаемъ все: и общественныя собранія, и общій столъ, и общее вино, и общія издержки". (На 2-е къ Тим. 1 бес.). Но столь строго бичуя порокъ пьянства и указывая всѣ мѣры къ его искорененію, Св. Отцы однакоже не считаютъ вино—его причиною, и умѣренное употребленіе вина они не называютъ грѣховнымъ, а считаютъ полезнымъ и дозволен-

нымъ. „Вино, говоритъ Св. Василій Великій,—было у насъ причиною погибели душъ,—вино, по дару Божію данное цѣломудреннымъ къ облегченію въ немощи, но содѣлавшееся для похотливыхъ оружіемъ невоздержанія“ (Бес. на упивающихся). „Видалъ я еще иныхъ сластолюбцевъ, которые, по чрезмѣрному любострастію, подъ предлогомъ печали, обращались къ вину и пьянству и покушались извинить свою невоздержность словами Соломона, который говоритъ: *дадите вина сущимъ въ печалѣхъ*. (Притч. 31, 6). Но это—приточное слово, которымъ не позволеніе упиваться дано, но поддерживается жизнь человѣческая. Не говорю уже о загадочномъ смыслѣ сего изреченія, по которому подъ виномъ разумѣется умственное веселіе,... и выражается попеченіе о томъ, чтобы безутѣшные и горько плачущіе, предавшись слишкомъ плачу, не вознерадѣли о пищѣ, но чтобы, какъ хлѣбомъ укрѣплялось сердце любителя грусти, такъ виномъ поддерживались упадшія силы. Впрочемъ думаю, что вино должно подавать помощь природѣ, но непозволительно для того наливаться неразбавленнымъ виномъ, чтобы оно производило помраченіе разсудка. Если же разсудокъ есть врачъ печали, то крайнимъ зломъ будетъ пьянство, препятствующее врачеванію души“. (Бес. на память мученицы Іулитты). „Если ты не можешь поститься, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ,—то по крайней мѣрѣ можешь не роскошествовать. Роскошь и пьянство—источникъ мать всѣхъ золъ... Стыдно мнѣ говорить, какъ многіе страждутъ отъ сластолюбія—и мужчины и женщины. Что отвратительнѣе пьяной женщины, качающейся туда и сюда... Я слышу, какъ многіе, когда встрѣчаются такіе случаи, говорятъ: „будь проклято вино!“ О глупость, о безумье! Другіе грѣшатъ, а ты порицаешь даръ Божій. Что за сумасбродство? Ужели вино, — о человѣкъ, причиною такого зла? Нѣтъ не вино, а невоздержаніе тѣхъ, кои зло-

употребляютъ виномъ. И такъ лучше скажи: исчезни пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади вино, то можешь вслѣдъ затѣмъ сказать: пропади желѣзо, потому что есть человѣкоубійцы; пропади ночь, потому что есть воры; пропади свѣтъ, потому что есть клеветники; да погибнутъ жены, потому что есть блудницы. Такимъ образомъ ты все наконецъ захочешь истребить. Но ты не поступай такъ—это сатанинскій духъ. Не презирай вино, но презирай пьянство. Когда пьяный придетъ въ чувство, скажи ему: вино дано для увеселенія, а не для того, чтобы безобразить себя; для укрѣпленія здоровья, а не для разстройства, для уврачеванія немощей тѣлесныхъ, а не для ослабленія духа. Богъ почтилъ тебя этимъ даромъ—для чего же ты неумѣреннымъ употребленіемъ этого дара безчестишь себя?“ (Бесѣда на Мѳ. 57).

Дозволяя употребленіе вина умѣренное,—и считая его полезнымъ въ нѣкоторомъ случаѣ, Св. Отцы однако же не возводятъ этого дозволенія въ правило для всѣхъ. Напротивъ, въ твореніяхъ ихъ встрѣчаются указанія на то, что они находили желательнымъ и полезнымъ и совершенное отъ него воздержаніе. — Но этого можно достигнуть не вдругъ, а постепенно.

Св. Григорій Богословъ говоритъ о винѣ и водѣ слѣдующее: „вода—прекрасный напитокъ, она не нарушаетъ ясности мыслей; а выпитая чаша вина мутитъ умъ. Вино, по природѣ своей не знакомо съ цѣломудріемъ; тѣмъ и производитъ оно удовольствіе, что раздражаетъ“ (Двустишія 364 стр.). „Радость, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, бываетъ... не отъ вина, а отъ назидательнаго слова. Вино производитъ бурю, а слово тишину. То помрачаетъ умъ, а это просвѣщаетъ и помраченнаго, то привлекаетъ скорби, которыхъ не было, а это прогоняетъ и тѣ, которыя были“ (На Новый годъ слово). Въ бесѣдѣ „о воздержаніи и о

томъ, до чего оно простирается“, Св. Ефремъ Сиринъ поучаетъ: „есть воздержаніе въ питіи—владѣть собою и не ходить на пиры, не услаждаться пріятнымъ вкусомъ винъ, не пить вина безъ нужды, не выискивать разныхъ напитковъ“. (26 стр.).

Объясняя слова Господа—въ отвѣтъ на вопросъ учениковъ Іоанновыхъ: *Почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же Твои не постятся* (Мѳ. IX, 14), Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „смыслъ словъ Христовыхъ слѣдующій: настоящее время есть время радости и веселія; итакъ не дѣлай его временемъ печали. А постъ дѣйствительно имѣетъ въ себѣ нѣчто печальное, не по своему свойству, но потому, что ученики еще слабы, хотя, напротивъ, для желающихъ любомудрствовать онъ составляетъ пріятное и вожделѣнное занятіе... Говоря о настоящемъ, Христосъ вмѣстѣ предвѣщаетъ и будущее, именно то, что ученики Его впослѣдствіи времени обновятся; но доколѣ этого не будетъ, дотолѣ не должно возлагать на нихъ никакихъ строгихъ и тяжкихъ заповѣдей. Кто прежде надлежащаго времени, говоритъ Христосъ,—предлагаетъ людямъ высокое ученіе, тотъ и въ свое время уже не найдетъ ихъ способными слѣдовать ему, навсегда сдѣлавъ ихъ (т. е. заповѣди) безполезными. Это зависитъ не отъ вина и не отъ мѣховъ, въ которые оно вливается,—но отъ неблаговременной поспѣшности вливающихъ вино (т. е. преподающихъ ученіе).“

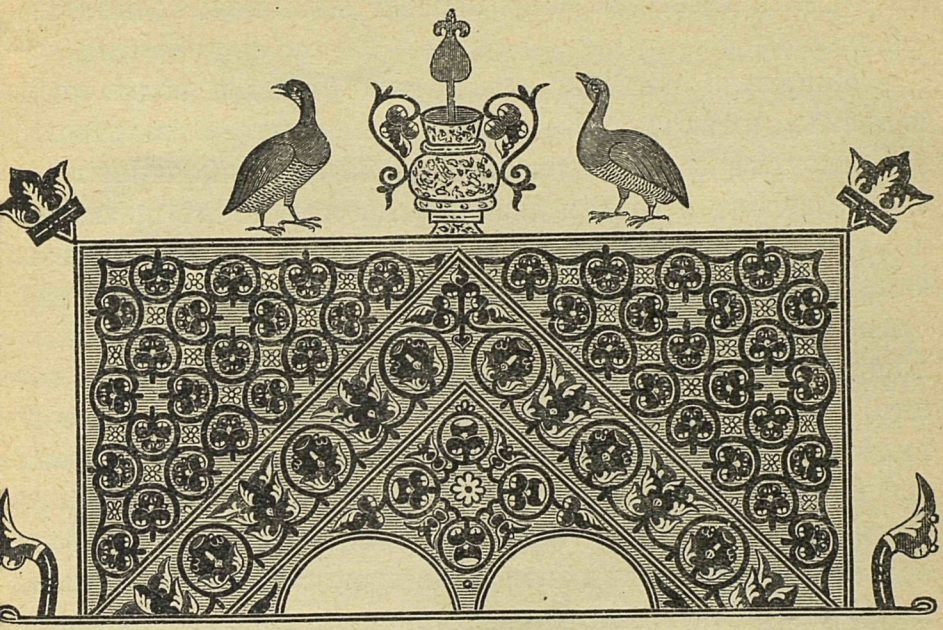
Изъ изложеннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) Св. Отцы строго осуждали пьянство, изображали его какъ страшное зло для вѣчной и временной жизни—какъ унижающее наше человѣческое достоинство, и къ обязанности всѣхъ христіанъ относили принимать всевозможныя мѣры къ искорененію этого гибельнаго порока.

2) Но не въ винѣ они указывали причину пьянства, а въ нашемъ сластолюбіи. Вино—даръ Божій, умѣренное употребленіе его не грѣховно,—но дозволительно какъ средство утоленія жажды и особенно полезно оно для печальныхъ и немощныхъ. — Но хорошо пользоваться и одной водой, такъ какъ вино „мутитъ умъ". Лучше въ печаляхъ пользоваться не виномъ, но духовными утѣшеніями. Нужно стараться постепенно пріучать себя къ воздержанію и посту, который есть „матерь здоровья, охранитель тѣлесной крѣпости" (Св. Вас. Вел. бес. о постѣ 2).

3) Но наивысшее состояніе, къ которому долженъ стремиться христіанинъ, — и особенно пастырь церкви, какъ призванный быть свѣтомъ для другихъ и, по ученію Св. Отцевъ, безмѣрно возвышаемый предъ другими, — и есть строгое и полное воздержаніе. Этого требуетъ наше высокое назначеніе, безмѣрное возвышеніе нашей личности въ христіанствѣ, преимущество нашей духовной природы предъ чувственной.

Къ этому же призываютъ насъ и высокіе примѣры свѣтильниковъ вѣры и подвижниковъ благочестія.

Протоіерей Арсеній Разумихинъ.



Пьянство съ точки зрѣнія христіанскаго нравоученія.

(Изъ бесѣдъ доктора богословія *Meunier*).

Неумѣренность въ употребленіи спиртныхъ напитковъ можетъ выступать въ двоякомъ видѣ, именно или какъ грѣховное дѣйствіе или какъ грѣховная склонность. Въ первомъ случаѣ неумѣренность является какъ извѣстный процессъ, который имѣетъ своимъ результатомъ нѣкоторое временное измѣненіе въ тѣлесномъ состояніи человѣка. Процессъ этотъ называется самоопьяненіемъ, а результатъ его—опьяненіемъ или нетрезвостью. Во второмъ случаѣ неумѣренность является опредѣленнымъ постояннымъ состояніемъ воли, направленной ко злу, и потому должна быть признана порокомъ. Неумѣренность въ этомъ видѣ называется привычнымъ пьянствомъ. Въ настоящей бесѣдѣ

мы будемъ имѣть въ виду первый видъ неумѣренности— опьяненіе.

Спиртные напитки, какъ пиво, вино и водка, какъ извѣстно, имѣютъ опьяняющее свойство т.-е. вызываютъ въ человѣкѣ особое состояніе, неблагопріятно вліяютъ на его разсудокъ и волю и даже на способность къ произвольному передвиженію съ одного мѣста на другое. Чѣмъ же спиртные напитки производятъ такое своеобразное дѣйствіе? Это дѣлаетъ исключительно только алкоголь, находящійся въ нихъ. Алкоголь! Что это такое? Алкоголь есть ядъ, который хотя не встрѣчается въ природѣ въ чистомъ видѣ, но можетъ быть получаемъ черезъ процессъ броженія изъ всѣхъ продуктовъ, содержащихъ въ себѣ сахаръ. Такъ алкоголь можно получать изъ виноградныхъ ягодъ, яблокъ, грушъ, сливъ и крыжовника, затѣмъ изъ ячменя, картофеля и многихъ другихъ плодовъ. Никакіе древесные и полевые плоды не содержатъ въ себѣ алкоголя сами по себѣ и никакой изъ этихъ плодовъ не обладаетъ поэтому опьяняющей силой. Можно напр. съѣсть очень много винограду, очень сочнаго, и тѣмъ не менѣе остаться совершенно трезвымъ. Алкоголь съ его опьяняющею силою появляется въ продуктѣ природы только тогда, когда этотъ продуктъ подвергается процессу броженія.

Въ чемъ состоитъ и откуда происходитъ это броженіе? Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Когда содержащее въ себѣ сахаръ произведеніе природы, будучи сорвано, долго сохраняется и при этомъ находится въ соприкосновеніи съ воздухомъ, то въ немъ появляются дрожжевые грибки. Эти грибки производятъ въ матеріи броженіе, т.-е. нѣкоторое возбужденіе или революціонное движеніе, подобное тому какое происходитъ въ тѣстѣ, когда въ него кладутъ дрожжей. Эти дрожжевые грибки съ жадностью высасываютъ сахаръ, превращаютъ затѣмъ его въ два другія вещества—

углекислоту и алкоголь, и извергаютъ то и другое изъ себя. Углекислота теперь улетучивается, но алкоголь остается въ продуктѣ природы. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что алкоголь есть тотъ ядъ, который получается, черезъ процессъ броженія, изъ сахаристаго вещества того или другого продукта. Такъ возникаетъ алкоголь вина — изъ сахара, заключающагося въ винограде, и алкоголь пива — изъ сахаристаго вещества, содержащагося въ ячменѣ.

Хотя алкоголь имѣется во всѣхъ спиртныхъ напиткахъ, но не во всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ: его меньше въ пивѣ, нѣсколько болѣе чѣмъ въ пивѣ — въ винѣ, но всего больше въ такъ называемыхъ горячихъ напиткахъ, каковы коньякъ, ромъ и водка. Въ послѣднихъ содержится отъ 30 до 50 процентовъ алкоголя, т.-е. на сто литровъ напитка имѣется отъ 30 до 50 литровъ алкоголя. — Все же остальное—одна вода съ какими-нибудь незначительными примѣсями для приданія напитку вкуса.

Будучи употребляемъ человѣкомъ внутрь, алкоголь обнаруживаетъ надъ нимъ опьяняющую свою силу. Въ чемъ состоитъ опьяненіе? И какъ его вызываетъ алкоголь? Эти вопросы требуютъ отвѣта. Причина опьяненія заключается въ томъ вліяніи, какое алкоголь оказываетъ на мозгъ человѣка. Мозгъ человѣческій есть центральный органъ, посредствомъ котораго обнаруживаютъ себя три важнѣйшія способности человѣка: способность познанія, стремленія и, наконецъ, способность произвольнаго передвиженія съ одного мѣста на другое. Чтобы человѣку можно было пользоваться какъ слѣдуетъ этими способностями т.-е. для того чтобы человѣкъ былъ въ состояніи правильно разсуждать, сильно желать и передвигать члены своего тѣла по произволу своему, для этого онъ необходимо долженъ имѣть здоровый мозгъ. Но свойство алкоголя въ томъ и состоитъ, что онъ, вступая въ человѣче-

ское тѣло, дѣйствуетъ на мозгъ. Сначала, пока алкоголь принимается въ небольшихъ дозахъ, онъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на три вышеназванныя способности, такъ что человѣкъ начинаетъ быстрѣе и яснѣе мыслить, становится болѣе энергичнымъ и рѣшительнымъ въ своихъ стремленіяхъ и живѣе въ движеніяхъ. Но когда человѣкъ начинаетъ пить по многу, то получается совершенно обратное: алкоголь ослабляетъ его мозгъ т.-е. уменьшаетъ ясность ума, силу воли и способность къ быстрымъ движеніямъ. Бываетъ, что человѣкъ послѣ принятія извѣстнаго количества алкоголя на долгое время, по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ, совершенно утрачиваетъ свободное употребленіе трехъ вышеназванныхъ способностей. Это и есть состояніе опьяненія.

Между полной трезвостью и совершеннымъ опьяненіемъ, конечно, есть много ступеней. Но съ точки зрѣнія христіанскаго нравоученія мы должны различать два рода опьяненія: полное и неполное. Полное опьяненія получается тогда, когда человѣкъ, напившись какого-нибудь спиртнаго напитка, лишается сознанія, такъ что онъ не знаетъ, что дѣлаетъ и не можетъ различить хорошаго отъ дурного. Лучше всего опредѣляется полное опьяненіе тѣмъ, что человѣкъ позже, находясь въ трезвомъ состояніи, не можетъ уже вспомнить, что онъ говорилъ и дѣлалъ, находясь въ состояніи опьяненія. При отсутствіи такихъ признаковъ опьяненіе должно быть признано неполнымъ. То обстоятельство, что пьяный чувствуетъ головокруженіе и видитъ предметы въ двойномъ видѣ, что онъ болтаетъ безъ толку и не твердо держится на ногахъ или что онъ себя чувствуетъ очень плохо, не есть еще признакъ полнаго опьяненія, такъ какъ несмотря на эти явленія онъ все же можетъ имѣть настолько сознанія, чтобы быть отвѣтственнымъ за свои поступки.

Установивъ такимъ образомъ понятіе опьяненія и указавъ виды его, мы обсудимъ это состояніе съ точки зрѣнія христіанскаго нравоученія. Опьяненіе есть грѣхъ, если оно является дѣломъ добровольнымъ и результатомъ стремленія получить наслажденіе отъ вина. Именно эти два условія и должны имѣть мѣсто, для того чтобы опьяненіе могло и должно было быть признано грѣхомъ. Итакъ первое условіе—добровольность. Но добровольнымъ опьяненіе бываетъ въ двухъ случаяхъ: 1) когда пьяница имѣлъ намѣреніе придти въ состояніе опьяненія и 2) когда, не намѣреваясь придти въ такое состояніе, онъ все же предвидѣлъ, что, участвуя въ пирушкѣ, онъ придетъ въ такое состояніе, и, безъ всякаго разумнаго основанія, не удалился. не воздержался отъ участія въ питьѣ вина. Всегда возможно, что, вполнѣ умѣренно употребляя спиртные напитки, человѣкъ, противъ ожиданія, все же впадетъ въ состояніе опьяненія. Такъ бываетъ напр. когда пьющій не знаетъ крѣпости напитка т.-е. высокаго процента заключающагося въ немъ алкоголя. Бываетъ также, что спиртный напитокъ дѣйствуютъ особенно сильно на человѣка потому, что послѣдній находится въ состояніи недомоганія или же душевной удрученности. Ясно, что въ такихъ случаяхъ опьяненіе не можетъ быть поставлено въ вину человѣку.—Второе условіе для того, чтобы опьяненіе могло быть признано грѣховнымъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ впадаетъ въ это состояніе только изъ стремленія получить наслажденіе. Возможно въ самомъ дѣлѣ, что до состоянія опьяненія человѣкъ доводитъ себя по извѣстнымъ соображеніямъ, напр. для того чтобы заглушить какую-либо особенно ноющую боль: извѣстно, что алкоголь употребляется иногда какъ анестизирующее средство въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Итакъ, если человѣкъ принялъ алкоголь для того чтобы заглушить боль или предупредить угро-

жающую ему болѣзнь, онъ не согрѣшилъ, если даже чрезъ это онъ нѣсколько опьянѣетъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ пьетъ вино не для удовольствія, а какъ лекарство.

Опьяненіе есть грѣхъ противъ заповѣди объ умѣренности или трезвенности. Эта заповѣдь повелѣваетъ, чтобы мы въ употребленіи пищи и питья всегда держались въ границахъ, которыя предписываетъ намъ разумъ. Богъ со вкушеніемъ пищи и питья соединилъ пріятное вкусовое ощущеніе, чтобы чрезъ это побудить человѣка принимать пищу до сытости, и поэтому человѣку не воспрещается выбирать для вкушенія то, что пріятно на вкусъ. Но ему запрещено ѣсть и пить *только* для удовольствія. Между тѣмъ человѣкъ это именно и совершаетъ, когда онъ добивается этого наслажденія такъ, что при этомъ исключается цѣлебное дѣйствіе насыщенія и вызываются вредныя явленія. Въ такомъ положеніи находится человѣкъ, который приводитъ себя въ опьяненіе, такъ какъ неумѣренность въ употребленіи спиртныхъ напитковъ вызываетъ различныя вредныя послѣдствія. Поэтому опьяненіе стоитъ въ противорѣчіи съ добродѣтелью умѣренности.

Чтобы твердо установить степень тяжести этого грѣха, для этого мы должны возвратиться къ упомянутому выше различенію опьяненія. Полное опьяненіе, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ приходитъ въ состояніе полной безсознательности, при всякихъ обстоятельствахъ есть грѣхъ тягчайшій (по *Meunier,* собственно,—смертный). Неполное опьяненіе, напротивъ, само по себѣ есть грѣхъ простительный. Но и это послѣднее становится тягчайшимъ грѣхомъ, если оно становится причиною нарушенія другихъ обязательныхъ для человѣка заповѣдей. Бываетъ это въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если человѣкъ чрезъ опьяненіе вредитъ своему здоровью, какъ это легко можетъ случиться съ

субъектами слабаго тѣлосложенія, 2) если опьяненіе для пьющаго является ближайшимъ поводомъ къ совершенію тяжкихъ грѣховъ напр. нецѣломудренныхъ рѣчей и поступковъ, богохуленій и проклятій, тяжкихъ оскорбленій или жестокостей, 3) если упивающійся чрезъ это дѣлаетъ себя неспособнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, каковы: посѣщеніе богослуженія въ праздники, уплата своихъ долговъ и поддержаніе своей семьи, 4) если упивающійся, въ силу занимаемаго имъ положенія, своимъ черезъ чуръ веселымъ поведеніемъ подаетъ поводъ къ соблазну своимъ дѣтямъ или же своимъ подчиненнымъ, если таковыхъ онъ имѣетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и неполное опьяненіе было бы тяжкимъ грѣхомъ,—самопонятно, впрочемъ, при томъ условіи, чтобы все это было произвольно т. е. чтобы человѣкъ, предаваясь опьяненію, предвидѣлъ всѣ эти дурныя послѣдствія своей неумѣренности. А онъ долженъ ихъ предвидѣть, если уже прежде имѣлъ подобные опыты.

Разсмотримъ теперь тотъ признакъ опьяненія, въ которомъ грѣховность этого состоянія открывается въ ея существѣ. Опьяненіе есть въ высшей степени гнусный грѣхъ. Почему? Потому что человѣкъ чрезъ него лишаетъ себя того достоинства, до котораго его возвысилъ Богъ и которымъ онъ отличается отъ другихъ видимыхъ тварей. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ставитъ человѣка въ порядкѣ природы выше животныхъ? Это—разумъ т. е. способность познавать сверхчувственныя вещи, въ особенности же различать нравственный характеръ нашихъ поступковъ, добро и зло. Изъ разума истекаютъ всѣ другія преимущества, которыя ставятъ человѣка выше животныхъ. Такъ какъ человѣкъ одаренъ разумомъ, то онъ имѣетъ и свободную волю, такъ что онъ безъ внутренняго принужденія можетъ сдѣлать свой выборъ между представляющимися его вниманію прямо противоположными вещами или дѣйствіями. Изъ того же

источника исходитъ и другое преимущество человѣка—даръ рѣчи, который даетъ человѣку возможность свои мысли, чувства и рѣшенія выявлять во внѣ, выражать ихъ понятнымъ образомъ и такимъ образомъ дѣлать достояніемъ другихъ людей. Но кромѣ свободной воли человѣкъ имѣетъ въ своемъ внутреннемъ существѣ и другія стремленія, которыя такъ сказать существуютъ независимо отъ его воли: это разныя влеченія, въ особенности же чувственныя влеченія. Хотя они по своему существу представляютъ собою нѣчто доброе—иначе Творецъ не даровалъ бы ихъ человѣку,—однако они могутъ быть и опасны для человѣка, такъ какъ могутъ обратиться и на нехорошія вещи и ставить себя внѣ зависимости отъ сужденій разума. Но Богъ далъ человѣку власть господствовать надъ этими неупорядоченными влеченіями и отдалять ихъ отъ дурного пути. Кто же является господиномъ надъ ними? Разумъ, который идетъ впереди этихъ позывовъ низшаго характера какъ небесный свѣточъ и указываетъ имъ правильный путь. Всѣхъ этихъ преимуществъ животное лишено: оно не имѣетъ разсудка, можетъ схватывать только предметы видимые, а сверхчувственное остается для него навсегда сокрытымъ. Животное не имѣетъ свободной воли, но должно со внутренею необходимостью хвататься за то, что представляется его чувству желательнымъ. Животное поэтому не можетъ господствовать надъ своими влеченіями, но предается имъ вполнѣ, если не встрѣчаетъ для этого какого либо внѣшняго препятствія. Наконецъ, животное не можетъ разговаривать. Хотя и животное можетъ криками, понятными для ему подобныхъ, давать знать о своихъ чувствахъ и намѣреніяхъ, но эти крики совсѣмъ не то, что членораздѣльные звуки, изъ какихъ слагается рѣчь человѣческая.

Теперь обратите свой взглядъ на опьянѣвшаго человѣка и спросите себя: да человѣкъ ли это? Конечно, по

своей природѣ и своимъ способностямъ это—человѣкъ. Но, лишившись силы употреблять эти способности, онъ, можно сказать, пересталъ быть человѣкомъ, ниспалъ до положенія животнаго, потому что утратилъ свои преимущества, какія отличали его отъ животнаго. Разумъ въ немъ дремлетъ, онъ не можетъ уже правильно судить о вещахъ, различать между добромъ и зломъ. Если ты стараешься выяснить ему истину, его тупой взглядъ не выражаетъ никакой мысли, никакого интереса къ тому, что̀ ты говоришь. У него нѣтъ уже свободной воли, и такъ какъ онъ потерялъ власть надъ самимъ собою, то чувственныя его влеченія начинаютъ заявлять о себѣ съ полной безудержностью. Отсюда его нравственная нечистоплотность и безстыдство, отсюда его неудержимое стремленіе мстить и за мнимыя оскорбленія, отсюда его грубость и стремленіе производить всякое насиліе надъ другими людьми. Онъ не теряетъ еще дара слова, но во всякомъ случаѣ онъ говоритъ уже не по человѣчески. У него вырываются звуки, подобные нечленораздѣльнымъ звукамъ, издаваемымъ животными, потому что его языкъ болтаетъ безъ толку и повторяетъ безъ всякаго смысла одни и тѣже слова. Онъ пытается пѣть, но его пѣніе похоже на вой, который проникаетъ сквозь ночную тишину и будитъ добрыхъ горожанъ. И въ то время какъ будучи въ трезвомъ состояніи онъ поступаетъ совершенно разсудительно, теперь онъ дѣлаетъ всякія шутовства и глупыя выходки: онъ танцуетъ и прыгаетъ какъ безумный и позволяетъ себѣ неприличныя остроты и шутки. Словомъ, онъ перестаетъ держать себя какъ прилично человѣку и ниспадаетъ до состоянія животнаго.

Ниспасть до состоянія животнаго! О, этого еще мало. Онъ падаетъ ниже животнаго, потому что въ состояніи опьяненія человѣкъ теряетъ не только тѣ преимущества, какія отличаютъ его отъ животнаго, но и также и такія,

которыя общи ему наравнѣ съ животными. Сюда относится прежде всего свободное движеніе членовъ тѣла. Какъ человѣкъ, такъ и животное можетъ свободно двигать членами своего тѣла: лошадь быстро мчится по землѣ, рыба—въ водѣ, птица—по воздуху. Какимъ является человѣкъ, у котораго алкоголь отуманилъ мозгъ? Онъ не можетъ уже твердо стоять на ногахъ, колѣни его сгибаются противъ его воли, онъ качается, идя по дорогѣ, изъ стороны въ сторону, какъ корабль, у котораго нѣтъ кормчаго, дѣлается добычею яростныхъ волнъ, и, наконецъ, онъ падаетъ какъ колода въ какую нибудь канаву. „Кому горе?“ спрашиваетъ богодухновенный мудрецъ Ветхаго Завѣта. „Кто падаетъ въ яму? Кто безъ причины въ ранахъ? У кого мутные глаза? Не у тѣхъ ли, кто сидятъ за виномъ и постоянно опустошаютъ кубки?“ (Притч. 23, 29 и сл.) [1]).

Другое свойство, общее человѣку съ животнымъ—это способность чувственнаго воспріятія. Какою остротою зрѣнія отличается орелъ, съ страшной высоты усматривающій себѣ добычу, на которую онъ и бросается съ быстротою стрѣлы! Какъ изощрено обоняніе у собаки, которая, благодаря ему, можетъ найти своего хозяина, хотя бы тотъ ушелъ отъ нея на нѣсколько верстъ разстоянія! Какъ тонокъ слухъ у кошки, которая пробуждается изъ самаго глубокаго сна, какъ только въ комнатѣ гдѣ нибудь прошмыгнетъ мышь! Какъ развито чувство осязанія у червя, который въ ужасѣ извивается отъ самаго легкаго прикосновенія человѣческаго пальца! Теперь сравните съ этими животными человѣка, въ которомъ алкоголь началъ проявлять свои вредныя дѣйствія. Его глаза мутнѣютъ, и, подъ вліяніемъ головокруженія, онъ видитъ вещи вдвойнѣ, причемъ все вертится вокругъ него. Его слухъ притупляется, и разговоръ человѣ-

---

[1]) По переводу латинскому.

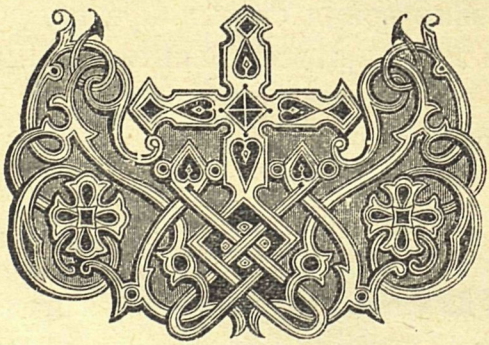
ческій доходитъ до его слуха какъ смутный шумъ. Онъ становится невоспріимчивымъ къ жару и къ холоду, къ ударамъ, толчкамъ и ранамъ. И это состояніе писатель книги Притчей изображаетъ также, обращаясь къ опьянѣвшему: „и ты будешь какъ спящій среди моря и какъ спящій на верху мачты (точнѣе: какъ спящій кормчій, который потерялъ руль), и скажешь: били меня, но мнѣ не было больно, толкали меня, но я не чувствовалъ“ (Притч. 23, 34—35).

Теперь я спрашиваю: человѣкъ ли это? Не палъ ли онъ слишкомъ глубоко лишивши себя самъ своего человѣческаго достоинства? Не долженъ ли онъ, если бы былъ въ состояніи, покраснѣть предъ животными? Богъ создалъ человѣка по образу Своему, который состоитъ не только въ сверхъестественныхъ дарахъ, но и въ природныхъ пріимуществахъ, отличающихъ человѣка отъ животнаго. По образу и подобію Своему сотворилъ Богъ человѣка, для того чтобы онъ господствовалъ надъ землею со всѣми ея тварями. Гдѣ же это Богоподобіе у того человѣка, который пожертвовалъ всѣми своими преимуществами изъ за привязанности къ спиртнымъ напиткамъ? Поэтому не удивительно, что приличные люди презираютъ пьяницу. Даже его друзья считаютъ его человѣкомъ жалкимъ и отворачиваются отъ него съ раздраженіемъ. Враги же его полны злорадства и дѣлаютъ его предметомъ своихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Если, наконецъ, онъ въ своемъ жалкомъ видѣ появится на улицѣ, то онъ дѣлается предметомъ насмѣшекъ для дѣтей, которыя тѣшатся его положеніемъ.

Что скажете на это вы, напивающіеся до пьяна? Найдется ли послѣ сказаннаго у васъ достаточно мужества для того, чтобы, напиваясь до пьяна, попирать ногами свое человѣческое достоинство? Подумайте о той великой истинѣ, которую возвѣщалъ апостолъ язычниковъ окруженнымъ

языческою суетою римскимъ христіанамъ: „ночь прошла, а день приблизился“ (Рим. 13, 12). Да, ночь вашей жизни, можетъ быть, уже на исходѣ и, можетъ быть, приблизился тотъ день, когда Господь возьметъ васъ изъ этой жизни, чтобы поставить васъ на судъ. „Итакъ отвергнемъ дѣла тьмы“, въ особенности же неумѣренность со всѣми сопровождающими ее грѣхами, „и облечемся въ оружіе свѣта“ т. е. запасемся вѣрою и благодатію и спасительными средствами, какія предлагаетъ Церковь. „Какъ днемъ, будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти, но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ (тамъ же).

Пер. Н. Р—въ.



2007056112